

и в первом) практически не упоминаются социально-экономические условия, оказавшие существенное влияние на практики и восприятие человеческого тела в XIX веке. Так, идея о влиянии рыночной экономики и промышленной революции на сексуальность, которую развивали как Мишель Фуко, так и Томас Лакёр, практически не упоминается в книге, а институционализации клинико-анатомического подхода в медицине благодаря усилиям монархии посвящен всего один абзац. Второстепенная роль властных институтов и политики, в принципе, является отличительной чертой исследований «культурной истории», однако стоит признать, что без них «История тела» выглядит мозаичной. Изобилующее примерами и деталями повествование авторов лишено общего знаменателя — по этой причине систематизировать прочитанное порой оказывается чрезвычайно сложно (на каждый пример приводится свой контрпример). Одной из причин противоречивости «Истории тела» является непосредственно тема исследования — человеческое тело совершенно по-разному репрезентировано в различных сферах жизни. Любую главу «Истории тела» можно закончить тезисом о неоднозначности изменений, происходящих в XIX веке.

Куда более очевидной для внимательного читателя проблемой становится

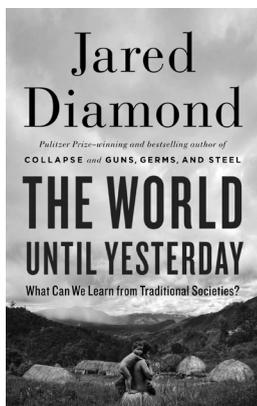
выстраивание связи между французским обществом и миром за его пределами. В самом деле, «История тела» оказывается еще более специальной по причине того, что ее авторы уделяют основное внимание только Франции. Часть, посвященная спортивной гимнастике и телесной дисциплине, включает в себя упоминания викторианской Англии; периодически упоминаются США, однако большинство статистических и фактических источников изложены на французском языке и, соответственно, посвящены Франции. Это ведет нас к неизбежной критике со стороны постколониальных исследований. Телесность как объект исследования неразрывно связана с чувствительными понятиями гендера и расы, и в этом смысле «История тела» воспроизводит колониальный взгляд на тело — исключительно белое и преимущественно западноевропейское. Впрочем, этот подход может быть вполне осознанным. «История тела» — своеобразный гимн франкофонии среди исследований повседневности. Авторский коллектив второго тома, несмотря на заявленную интернациональность, состоит в основном из французских исследователей. Редакторский коллектив серии представлен исключительно французскими учеными.

Тамара Кусимова

Вчерашние уроки

Перу Джареда Даймонда принадлежат два бестселлера — «Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ» (1997) и «Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают» (2005), а также два не столь знаменитых,

но интересных ранних исследования — «Третий шимпанзе: Эволюция и перспективы человеческого животного» (1991) и «Почему нам так нравится секс? Эволюция сексуальности человека» (1997). Все они переведены на русский язык. Лучшее из них, конечно, «Ружья, микробы

Jared Diamond. *The World Until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies?* N.Y.: Penguin Books, 2012. — 513 p.

и сталь». За нее Даймонд получил Пулитцеровскую премию, книга была превращена в документальный сериал и переведена на 30 языков. Изначально у Даймонда было два образования — врача-физиолога и орнитолога. В ходе своих орнитологических экспедиций в Новую Гвинею, продолжающихся вот уже 50 лет, он заинтересовался антропологией и ее связью с экологией. Сейчас он преподает на географическом факультете Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Тема книги ясна из подзаголовка: «Мир до вчерашнего дня. Чему мы можем научиться у традиционных обществ?» Однако не стоит ожидать от автора восторженной болтовни об изначальной доброте «дикарей», нью-эйджевских оздоровительных заклинаниях и прочей славяно-горлицкой борьбе. Перед нами академическое исследование, просто особого толка.

Напрашивается аналогия с эпизодом «На 10 тысяч лет старше» режиссера Вернера Херцога из знаменитой дилогии «На 10 минут старше» (2002). И тут и там откровенно и грустно показан мир недавнего прошлого (у Херцога — индейского племени, открытого в 1981 году в Бразилии), сохранивший следы очень древней и продолжительной истории человечества. Мир тех, кого Джаред Даймонд называет традиционными обществами. Таких в книге 39: 10 племен столь любезных автору новогвинейцев, 7 — австралийцев, 5 — африканских пигмеев и т.д. Важны именно различия, подтверждающие, что мир «традиционных обществ» не монолитен. Довчерашнее человечество знало множество путей преодоления насущных проблем, таких как деление пространства и установление границ с различением категорий друзей, врагов и торговых партнеров; война и мир; постконфликтное восстановление отношений; воспитание детей; забота о стариках; воспроизводство пищевых привычек; противостояние опасностям и стратегии, связанные с риском. Такова структура книги: одна глава — одна проблема. Всего глав 11, а частей 5. Как и в предыдущих работах Даймонда, тут есть пролог и эпилог (оба разворачиваются в лиминальном пространстве аэропорта), колоритные иллюстрации (детский мучительный ужас на лице новогвинейца, впервые увидевшего бе-

лого человека) и убедительные таблицы и карты.

Но коронный прием Даймонда — набранные из разных исследований и удивительно освежающие взгляд сведения, гипотезы и теории. Тема книги позволила автору предаться и личным воспоминаниям — сколь интересным, столь и мудрым. О том, как моторная лодка, в которой он плыл с группой новогвинейцев по океану, перевернулась по глупости команды. О том, что он понял за несколько часов, проведенных в воде в основном в отчаянных попытках не замерзнуть. Какие импликации можно из этого вывести, особенно в отношении «конструктивной паранойи», которой посвящена целая глава. Или как его знакомая молодая американка, мать-одиночка, упорно и рискованно искала себе нового мужа, при этом деятельно участвуя в нечуждых современному обществу сплетнях. Это в главе, частично посвященной как раз долгим разговорам и их несомненной пользе. Кстати, новогвинейские друзья Даймонда обсуждали, что ели и как они это добывали, не просто часами, но сутками, специально просыпаясь по ночам, чтобы продолжить, и всячески досаждая автору, когда он еще специализировался на птицах, не интересуясь эволюцией человечества.

При этом Даймонд ни в коем случае не романтизирует традиционные общества и не призывает вернуться к первобытной простоте. Все в его книге говорит о том, что простота эта мнимая. А то, с каким энтузиазмом целые племена примеряют на себя образ жизни индустриального общества, надевают шорты, пьют кока-колу, используют антибиотики

и прибегают к помощи полиции, говорит о том, что современные общества со своей работой справляются, но немного разнообразия им не повредит. Еще в прологе автор дотошно, по пунктам объясняет, на какую информацию он полагается, какими методами ее анализирует и какие уроки традиционные общества могут нам предложить. По первым двум вопросам лучше всего обратиться к самой книге. Но что может дать изучение уже «модернизированных» обществ, меняющихся до неузнаваемости? По мнению Даймонда:

- это просто интересно — изучать людей, похожих на нас, но при этом по-другому одевающихся, питающихся, спорящих, воюющих, воспитывающих детей, считающих и, конечно же, думающих;
- традиционные общества — своего рода живые отпечатки нашего прошлого, а мы сами — лишь несколько видоизменившиеся их представители: переход от охоты к земледелию произошел всего около 11 тысяч лет назад, металлические орудия появились 7000 лет назад, а письменность — около 5400 лет назад⁷. Множество традиционных механизмов сохраняют силу в сельских общинах, уличных бандах и т. д.;
- традиционные общества гораздо разнообразней, чем современные индустриальные, но 96% всех психологических исследований 2008 года были посвящены именно последним,

7. Конечно, подобные цифры условны и постоянно корректируются, чего Даймонд и не отрицает.

а 80% и вовсе сконцентрировались на изучении американских психологов-первокурсников. Наше знание человеческого мышления основывается на очень ограниченной выборке объектов исследования, так называемых *WEIRD*⁸ — западных, образованных, индустриализованных, богатых, демократических обществ.

Конечно, академический интерес представляет и эта выборка. Но изучение традиционных обществ имеет огромный практический смысл. Они хранят результаты тысяч «естественных экспериментов»⁹ по выживанию и решению человеческих проблем. Этот опыт бесценен хотя бы потому, что его невозможно повторить в лаборатории и противозаконно воспроизводить в реальной жизни. Что лучше: потакать детям во всем или физически их наказывать? Постоянно держать на привязи или давать самим постигать мир, набивая шишки, получая царапины и ожоги? Как реагировать на реальную опасность и нужна ли «конструктивная паранойя»? Эти решения отличаются от наших, и ими еще можно воспользоваться.

Посвященная границам первая глава — одна из самых захватывающих. Есть здесь пища и для любителей скороспелых выводов консервативного толка.

8. Акроним от англ. *western, educated, industrialized, rich, democratic societies*.

9. Кстати говоря, именно так назывался сборник из семи *case studies*, редактором которого выступил Даймонд: *Natural Experiments of History* / J. Diamond, J. A. Robinson (eds). Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2010.

Речь в главе идет о некоем естественном состоянии, о мире до вчерашнего дня. Скажем, нелепо считать соблюдение границ между обществами проявлением фетишизма, призывать забыть их раз и навсегда и всем предаться радости и любви. Да, любые границы неестественны, то есть не относятся к природным явлениям. Но они важны и нужны: люди их придумали не случайно. Примеры несоблюдения границ, которые Даймонд приводит, порой ужасают. Скажем, аляскинские эскимосы, еще недавно добывавшие пропитание крайне опасным и утомительным образом — с копьем на льду у кромки воды в ожидании тюленя в течение многих суток, где промах означал смерть от голода, а льдина могла в любой момент унести эскимоса в море. И если льдину прибывало к берегу другого племени, несчастного путешественника ждала смерть. Любое нарушение границы в условиях нехватки ресурсов приравнивается к покушению на них. Сам Даймонд неоднократно становился свидетелем ступора, в который впадали его друзья-новогвинейцы при одной мысли о возможности перейти границу другого племени. Однако Даймонд показывает, что все пограничные отношения чрезвычайно сложны и запутанны. Если вкратце, то чем скуднее ресурсы и выше плотность населения, тем жестче и острее стоит вопрос о границах. И естественно, тем ограниченной территория одного общества. Скажем, для жителей густонаселенных горных районов Новой Гвинеи все, что дальше 50 миль, — это *terra incognita*. До недавнего времени ни один горец не то что не видел моря, он и не слышал о нем. Не говоря уж о белых людях из-за этого моря.

Эта глава вполне естественным образом переходит в другие три (на мой взгляд, тоже чрезвычайно интересные), посвященные конфликтам, войнам и примирению. Так, Даймонд сообщает о том, что многие традиционные общества часто торгуют (а среди разбираемых лишь два обеспечивали себя полностью) тем, что прекрасно умеют добывать/производить сами — исключительно для поддержания связей. Он подробно разбирает несколько случаев примирения. В частности, такой: джип, принадлежащий некоей фирме, насмерть сбил мальчика. Водитель не был виноват — мальчик убежал на дорогу из-за школьного автобуса. Тем не менее при неблагоприятном развитии событий водителю грозила смерть от рук родственников мальчика, равно как и менеджеру фирмы, всем тем, кого он вез, и т. д. В данном случае все было иначе: на следующее утро к менеджеру явились спокойные люди, которым ему хватило мужества улыбнуться. Удачные переговоры при посредничестве третьей стороны, уважение к горю родственников и возмещение (*sori moni* — *sorry money*¹⁰ на пиджин-инглиш), выговаривание своих эмоций на похоронах — и на пятый день все было завершено. Все вернулись к прежним отношениям (или их отсутствию), что и является целью улаживания конфликта в традиционных обществах, в отличие от восстановления абстрактной справедливости и исполнения предписанных процедур и законов в системе государственного правосудия.

Но не все просто: после подробно рассмотренной возможности внедре-

10. Денежная компенсация в знак сожаления (англ.). — Прим. пер.

ния (или сохранения) систем примирения в современном государстве, скажем в форме досудебных переговоров, арбитража и т. п., Даймонд напоминает, что в традиционных обществах всегда сохраняется возможность другого, полностью противоположного исхода — кровавой войны нескольких поколений. Группа гарвардских антропологов в 1961 году оказалась свидетелем такой настоящей мини-войны между двумя конфедерациями племен дани в Новой Гвинее. Война продолжалась несколько лет, и в ходе самой жестокой битвы было убито 125 человек. Однако в пересчете на все население она оказалась страшнее самой кровавой (для американцев) битвы Второй мировой войны и даже взрыва атомной бомбы в Хиросиме. А если сравнивать среднее число жертв в год (за XX век) к общей численности населения, то у понесших наибольшие потери в этом веке России и Германии этот показатель составляет 0,15 и 0,16% соответственно, тогда как для дани и некоторых других — в шесть раз больше, более 1%.

Столь же неутешительные итоги демонстрирует статистика преступлений внутри обществ. Пигмеи кунг считались тихим и безобидным племенем, пока живший среди них антрополог не обошел все истории об убийствах с 1920 по 1969 год и не поделил число убитых — 22 человека — на численность всего населения. Тогда выяснилось, что пигмеи были кровожадней американских гангстеров ровно в три раза. Но с приходом даже не европейцев, а торговцев из племени «больших» африканцев они прекратили внутренние конфликты и сосредоточились на обмене.

Кроме способов примирения, Даймонд предлагает нам присмотреться к результатам других «естественных экспериментов». Например, к тому, как воспитывают детей, а именно:

- сохраняют тесный телесный контакт во младенчестве, перенося на руках, на бедре, на перевязи — и всегда в вертикальном положении (сравни это с перевозкой в коляске, в горизонтальном положении, практически без контакта и со взглядом, направленным в сторону родителей, а не туда, куда они смотрят);
- самостоятельно изготавливают игрушки из подручных средств, а не покупают их в магазине;
- держат в смешанных, разновозрастных группах, а не в классах сверстников (хотя бы иногда) и т. д.

Закон, который Даймонд назвал «конструктивной паранойей», можно определить примерно так: внимания заслуживают реальные риски, а не сенсации. Незначительные, но повторяющиеся изо дня в день риски приводят к основной массе смертей — например, в результате автомобильных аварий (причина номер один во всем современном мире) или сердечно-сосудистых заболеваний (порожденных во многом неправильным образом жизни). В уже упоминавшемся рассказе о перевернувшейся лодке Даймонд вспоминает, как после спасения он случайно разговорился с туземцем, планировавшим сесть в ту же лодку, но после оценки всех рисков передумавшим. В другом случае более опытный Даймонд провел несколько часов за обсуждением со своим новогвинейским помощ-

ником значения неприметной воткнувшейся в землю веточки на горной тропе. В случае неправильной оценки эта веточка грозила им набегом враждебного племени.

К сожалению, содержание 11 глав неравноценно. Некоторые блестящи, другие, увы, тривиальны. Поначалу кажется, что не удалась только те, в которых Даймонд выходит за пределы своей компетенции. Ведь, несмотря на умопомрачительную эрудицию, он все-таки не социолог, не историк и не этнограф, что видно уже по библиографии. Да, он ссылается на гипотезу Сепира–Уорфа, а это начало XX века, но в основном гуманитарная часть его этнографии взята из запасников XIX века. Однако дело не в классиках XX века, их интересных интерпретациях, не в Клиффордах Гирцах и Джеймсах Клиффордах, без которых он прежде обходился. Предположение о том, что западная цивилизация вырвалась вперед благодаря почти случайному наличию в палеолитической Евразии питательных и легко одомашниваемых растений и животных стоит многих постструктуралистских теорий. Предпринятый Даймондом блестящий анализ того, как некоторые цивилизации довели себя до вымирания, неверно оценивая условия жизни или следуя губительным ценностям, изумляет не менее. Недостатки «Мира до вчерашнего дня» лежат в иной плоскости.

Скажем, глава о религии, которую, признаюсь, я даже не смог толком дочитать, поражает своей тривиальностью. Невыразимо скучна она и по сравнению с поучительной хроникой жизни цивилизации острова Пасхи, вымершей, истощив ресурсы в угоду своей ре-

лигии (излагается в его же «Коллапсе»). То есть дело не только в естественно-научном подходе Даймонда. Другая навевающая скуку глава — как раз про «палеолитическую» диету — тоже из разряда банальностей, которых от этой книги не ждешь. В главе, посвященной этой, казалось бы, хорошо знакомой бывшему физиологу Даймонду области знания, не сообщается ничего важного, кроме того, что соли надо есть поменьше, а заниматься физическими упражнениями, напротив, побольше.

Впрочем, даже и в такой невыразительной главе попадают интересные фрагменты. Такова, например, гипотеза Даймонда о происхождении диабета второго типа. Интересно в ней объяснение относительной устойчивости к нему белых европейцев, которых достаточно сравнить с народами, разбогатевшими и перешедшими на «западный образ жизни» только в XX веке: 31% жителей острова Науру больны диабетом, так же как 35% вестернизированных австралийцев и 50% индейцев Пима. Средний показатель среди европейцев — 6%. Гипотеза Даймонада состоит в следующем: особый ген, заставляющий нас объедаться сахаром, некогда поспособствовал выживанию, позволив успешнее запасаться подкожным жиром в условиях скачкообразной доступности еды (то есть чередования голода и обжорства). Нас — это всех, в том числе и потомков европейцев. Однако начиная примерно с 1650 года европейцы стали богатеть. Голод отступал, а обжорство растягивалось. В результате Европу постигла подлинная эпидемия диабета. В Германии начала XVIII века он был известен как «болезнь медовой мочи», и одной из его

жертв, вероятно, стал Иоганн Себастьян Бах. В результате естественного отбора выжили те, у кого прежний «ген выживания» проявлялся слабее, то есть на этот раз те, кто был менее склонен обжираться сладким. Многие неевропейские народы обогащение настигло слишком внезапно. Те, кто по-прежнему голодает, скажем в африканских странах или Бангладеш, не страдают от диабета, равно как и от гипертонии, рака или сердечно-сосудистых заболеваний (у Даймонда приведена статистика). Внезапное обогащение жителей о. Науру, которым с 1925 года стали платить роялти с добычи на острове фосфатов, тоже вызвало эпидемию с похожим на европейский результатом. Если в 1952 году ни один житель Науру не болел диабетом, то в 2002-м таких было 41%, но в 2010-м — уже 31%.

На мой взгляд, скучными главами или фрагментами оказываются те, где нет личных воспоминаний Даймонда, его восхитительных новогвинейских историй. Такова, помимо двух уже упомянутых, и глава про языки, би- и мультилингвальность. Правда, в своих шедеврах, «Ружьях» и «Коллапсе», Даймонд не злоупотреблял мемуаристикой. Да, в «Ружьях» есть сакраментальный вопрос новогвинейца о «карго» (материальных благах в целом) и справедливости. Но и в них, и в «Коллапсе» много фактов и их интерпретаций, вокруг которых обе книги и строятся. Гипотезы и теории развиваются на наших глазах и обрастают примерами. Так что порой от изящества рассуждения захватывает дух.

В этом, по-видимому, и кроется причина неудачи с последней книгой. Какова ее гипотеза? Увы, та, что, в общем,

не требует доказательств. Нельзя выставить условий о последовательности последних или необходимом и достаточном объеме примеров, поскольку она проста: у традиционных сообществ есть чему поучиться. Лично я был согласен с Даймондом заранее. Поэтому все, что следует за вступлением, — лишь набор примеров. Вся книга — попытка составить энциклопедию полезного, поучительного и занятого у традиционных обществ.

В какой-то момент кажется, что Даймонд попытался разнообразить свою энциклопедию прекрасными история-

ми, мыслями и заготовками для других, несостоявшихся глав. Но по объему эти фрагменты не сравнятся с основными главами: о границах, конфликтах и примирении, рисках и «конструктивной паранойе». Почти столь же хороши главы о воспитании детей и отношении к старикам, но они все же из разряда назидательных, то есть несколько упрощающих. Самые интересные главы не только насыщены личным опытом Даймонда, но говорят об очень сложных вещах и не дают простых рецептов.

Андрей Лазарев